

А вот патом тут эта стали маладѣш нашу атправлять в Германию на работу – многа атправляли, несколько девчонок атправили. Аҫа. А нас с Люсей вот с этой, мы были маладые, ешшо малоденькие сафсем. И вот нас куда-та тожэ хотели– я теперь ужэ и не помню, куда хотели нас атправить на работу куда-то...

А вот этот дядя Ванька вот, атец-та её, он был стараста. И вот это нас приписали, как гаварица, к этому делу, штоб взять – а он взял да и сказал, што вы давайте вот дурочками прикиньтися. И вот я помню вот платки вот так павязали наперёт канцами, вот – мы басиком – юпчонки там каки-та, юпчонки адеты были. И нас вызвали в Ляды, в Ляды. И он с нами паехал тагда вот...я и гаварю, што ему дай Бох лёгкае лежанье. Вот эти Ивлевы, которые я фсё убираю [могилы]; и вот и он и сказал, што с вас будут што спрашывать – вы што атвечайте, а што не атвечайте. И вот мы стаяли, губы распустифшы, тряслися; а он за нас атвечал и гаварит, што ани эта, в опшшэм, дуракаватые, их нельзя брать! [смеется].

И нас и нэ взяли тагда на работу никуда! Не атправили. Аҫа. И мы, я помню, прибежали с Ляд. Мама давольная, плачэт, што нас не атправили куда-та на работу. Я ужэ теперь и не знаю, куда на работу. Ну, а мы были, а мы были грязные и-и эти... плоха адетые, и стаяли, платками завязафшы, так стаяли перед немцами, а ани там нас дапытывали [смеется]. А мы? А мы што атвечим, а што не атвечим, а он гаварит: «Ани палаумные. Их нельзя брать никуда!»

Вот так жыли! Вот так жыли! Аҫа. А жыли-та, а жыли... Ай-ай-ай как худа. Мы-та в асобенности. Люди-та хоть здесь пастаянна жыли, а мы-та прибежали з горада. Вот так! Аҫа.

А немцы как-та как-та нас нас ани и не трогали, приежжали в деревню. Аҫа. Я помню толька, я от аднаво немца па морды палучыла венком, венком.